

Вопросы культурологии и истории

**ОСНОВАНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ
СВЯТО-ТРОИЦКОГО БОЛДИНА МОНАСТЫРЯ
(опыт исторической реконструкции)**

A. M. Пономарёв

Вместо предисловия

С каждым годом растёт интерес к восстающему из руин Свято-Троицкому Болдину монастырю, расположенному в Дорогобужском районе Смоленской области. Основанный в 1530 г., обустроенный к концу XVI в. архитектурными сооружениями, символизировавшими укрепление православной Московской Руси на порубежной Земле, ансамбль был взорван германскими фашистами в марте 1943 г. Естественна и понятна потребность многих приобщиться к историческому прошлому этого святого места, проникнуться жизнеутверждающим началом, заложенным в древней обители (илл. 1–3).

Первое упоминание о Болдине монастыре в печати появилось в 1811 г.¹; основанное на рукописных материалах и преданиях, оно констатировало известные на то время факты без их исторического обоснования. В основополагающем труде В. О. Ключевского по подходу к использованию древнерусских текстов жития святых в исторических изысканиях² впервые были рассмотрены рукописные материалы XVII в., повествующие об основателе Болдина монастыря — преподобном Герасиме Болдинском. Было указано, что большое значение при анализе материалов этого жанра имеет исследование источников, послуживших фактической основой для составления жития. Таким первоисточником в нашем случае является Завещание-Устав или иначе «Закон» преподобного Герасима, так как он продиктован самим святым перед своей кончиной, 1 мая 1554 г. В. О. Ключевский, назвав это произведение «предсмертной автобиографией», указал место хранения его единственного рукописного списка XVII в. в Московской Румянцевской библиотеке (ныне РГБ), ф. 310 (собр. Ундорского), № 301 (л. 126–128 об). Он также отметил, что указанное произведение было использовано при составлении Жития Герасима Болдинского, которое известно по рукописным спискам XVII в. в двух редакциях. Первая редакция хранится в Румянцевском музее (ныне РГБ), ф. 310 (собр. Ундорского), № 600, л. 142–210 об, а вторая редакция — в Императорской публичной библиотеке в Петербурге (ныне РНБ), собр. Погодина, № 711, л. 1–26 об. Как выяснилось позже, в Румянцевской библиотеке хранился ещё один список первой редакции Жития, сделанный в первой четверти XVII в. (ныне РГБ), ф. 236 (собр. А. Н. Попова), № 94, л. 165–220.

Известные исторические источники XVII в. — список «Закона» и три списка Жития Герасима Болдинского, тексты которых были опубликованы с научным

анализом и комментариями Е. В. Крушельницкой в 1996 г.³, дают лишь фрагментарные сведения об основании Болдина монастыря, не вскрывая исторической цели прихода Герасима на Смоленщину под город Дорогобуж и обоснование выбора им места поселения. Нет также сведений о лицах, способствующих достаточно быстро обустройству Болдина монастыря. Требуют прояснения и мотивы появления Герасима в отдалённых от Болдина местах при основании подвижником ещё трёх монастырей. Какая сила выявляла места порубежной земли, требовавшие его участия, и вызволяла Герасима из ещё не обустроенной обители в Болдине для новых подвигов? Естественно, следует учитывать и то, что жанр агиографических повествований допускает символическую трактовку дат и событий. Исследование поставленных вопросов, как представляется, следует начинать с рассмотрения подготовки Герасима как в смысле духовного и житейского опыта, так и круга его общения перед появлением под городом Дорогобужем.

Анализ достоверности основных источников о прп. Герасиме.

Дата рождения прп. Герасима

Из «Закона» прп. Герасима известно, что родился он в городе Переславле-Залесском и наречён был именем Григорий. Назвал Герасим в «Законе» и имена родителей: отец — Михаил, мать — Мария, но не указал, какого они были сословия и каков их родственный и дружественный круг, не назвал он также и год своего рождения. Указал Герасим в «Законе», что он ученик Данилов, постриженник Данилова монастыря города Переславля-Залесского. Поведав о времени своего прихода под город Дорогобуж Смоленской области (25 марта 1528 г.) и о других очень важных исторических фактах своей жизни на западных рубежах Московии, он сказал: «Жил есми аз в различных пустынях 26 льт. О всем бо сем извъстно постриженнику обители сея старцу Симеону...»⁴ Приведённая выдержка важна тем, что в ней указано имя ближайшего ученика прп. Герасима.

Названное в сохранившемся списке «Закона» трижды без оговорок имя Симеон принадлежит, без сомнения, одному человеку — ученику прп. Герасима, поставленному им игуменом монастыря Иоанна Предтечи в Вязьме, указанному в вышеприведённой выдержке старцу Симеону, постриженнику Болдина монастыря, и соборному старцу Симеону, поименованному в послесловии к списку «Закона», сделанному в Болдине монастыре после преставления прп. Герасима при игумене Антонии. Этот список «Закона», который «... писал тоя же обители дьякъ Емельян Иванов сынъ Ильшин взяметин в лето 7084-го (1576) марта въ 20 день»⁵, и послужил протографом для единственного дошедшего до нас списка «Закона» XVII в. Учитывая то, что протограф составлялся при очевидце преставления прп. Герасима — старце Симеоне, вполне достоверной можно считать и дату преставления святого «... лето 7062-го (1554) месяца марта въ 1 день...»⁶, приведённую в послесловии к списку «Закона» 1576 г.

Из текста «Закона» следует, что настоятелем Иоанна-Предтеченского монастыря Симеон был поставлен в 1543 г., но, когда в Вязьме начала собираться монашеская община, не сказано. В статье протоиерея А. Г. Макарьевского, посвящённой

вяземскому монастырю⁷, говорится, что прп. Герасим со своим учеником Симеоном пришёл в Вязьму в конце 1535 г., правда, без ссылки на первоисточник этого факта. Если указанная дата точна, то это дополнительно подтверждает, что Симеон был рядом с прп. Герасимом практически с первых лет его пребывания на Смоленщине, а следовательно, мог служить источником достоверной информации о прп. Герасиме после его преставления.

К сожалению, факты, приведённые в «Законе», не позволяют назвать возраст преставления и дату рождения прп. Герасима.

Названный в «Законе» настоятель Болдина монастыря, вступивший после преставления Герасима — Иосиф Краснописец — не причисляется в «Законе» к постриженникам обители и тем более к ученикам преподобного. Есть сведения о том, что он родом новгородец и его учителем был Максим Грек⁸, исповедавший нестяжательство, а прп. Герасим, как следует из всей его подвижнической жизни и из его «Закона», был последователем Иосифа Волоцкого, на что неоднократно указывали исследователи⁹. Возведение Иосифа Краснописца в настоятеля Болдина монастыря, видимо, свидетельствует о том, что церковные иерархи, а возможно, и сам великий князь, пытались внести «новую струю» в жизнь обители и внедрить просвещённое начало. Правда, в первой редакции Жития прп. Герасима Иосиф Краснописец назван учеником Болдинского Святого¹⁰. Можно, конечно, предположить, что Иосиф Краснописец, как и его учитель Максим Грек, сосланный после суда 1525 г. на исправление в Иосифо-Волоцкий монастырь, был направлен под опеку к испытанному иосифлянину Даниилу Переяславскому, где и познакомился с будущим Герасимом Болдинским. А возможно, это указание сделано в Житии для соответствия жизни обители «Закону» прп. Герасима, так как он завещал настоятелями ставить постриженников сей обители, особо оговорив это в «Законе»: «... чтобы государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа России чужаго бы не наслал». Не исключено, что Иосиф Краснописец был прислан в Болдин монастырь для письменного запечатления подвигов прп. Герасима, ближайшего ученика восприемника обоих сыновей великого князя Василия Иоанновича. В таком случае Иосиф Краснописец мог быть автором «Закона» и Жития прп. Герасима, списки которых не сохранились. В заглавии текста списка Жития прп. Герасима, сделанного Гришкой Жюковым в 1686 г., читаем: «Списано бысть учеником его Антонием, иже бысть тоя же обители игуменъ, после же бысть епископ на Вологде Великия Перми»¹¹. Следовательно, Антоний не был автором первого Жития прп. Герасима, как закрепилось в литературе, а лишь исполнителем одного из списков. Известно, что Иосиф Краснописец составил в Болдине монастыре в 1559 г. учебное руководство для царевича Иоанна Иоанновича под названием «Летописец и сказание ко учению и рассуждение о фониаде вкратце», но его труды об истории обители и о подвижничестве прп. Герасима, к сожалению, пока не известны. В 1569 г. он назван бывшим игуменом Болдина монастыря¹².

В приходо-расходных книгах Болдина монастыря за 1587, 1590, 1592 и 1593 гг. упоминается старец Симеон, бывший игумен, скончавшийся в 1592 г¹³. Из приведённых фактов следует, что ближайший ученик прп. Герасима Симеон в 1576 г.

был соборным старцем в Болдине монастыре, а упоминание его в качестве бывшего игумена, несомненно, говорит о том, что он был и настоятелем Болдина монастыря в период между Иосифом Краснописцем и Антонием, т.е. с конца 1560-х по первую половину 1570-х гг.¹⁴.

С приходом на настоятельский пост в Болдин монастырь в 1568–1569 гг. из вяземского монастыря Иоанна Предтечи Симеона братия обители пополняется вязьмичами, в числе которых и названный выше переписчик «Закона», дьякон обители Емельян Иванов сын Ильшин вязметин и, возможно, будущий настоятель Антоний. Связь Антония с городом Вязьмой выявляется в приходо-расходных книгах Болдина монастыря за 1593–1606 гг.¹⁵, где несколько раз упоминается «вяземский посадский человек» Семён Алексеев, сын Антония. Это говорит о том, что Антоний жил семейной жизнью в Вязьме под фамилией Алексеев. Что и в каком году привело Антония в монастырь — неизвестно. По всей вероятности, он был одним из сподвижников Симеона в вяземском монастыре Иоанна Предтечи, где с 1535 г. монашескую общину окормлял Симеон.

Первая редакция Жития Герасима Болдинского, к списку которой приложил руку Антоний, написана, вне всякого сомнения, до 1571–1572 гг., т. е. до кончины Якова Андреевича Салтыкова¹⁶, о чём обстоятельно повествуется в дошедшем до нас единственном списке второй редакции Жития¹⁷, которая составлялась, вероятно, после 1591 г., т. е. когда при строительстве Троицкого собора было скрыто место захоронения А. Я. Салтыкова¹⁸. Таким образом, с уверенностью можно считать, что список первой редакции Жития составлялся с использованием знаний о жизни святого его ближайшего ученика Симеона, поэтому в нём содержится много фактов из жизни святого и Болдина монастыря, отсутствующих в «Законе».

Все три древних списка Жития называют возраст преставления прп. Герасима — 65 лет («... *всъх лът в жизни сей жития его обрътается шестъдесят пять лът*»¹⁹), чего нет, естественно, в списке «Закона». Используя дату преставления прп. Герасима — 1 мая 7062 г., что для летосчисления от Рождества Христова с началом года 1-го января соответствует дате — 1 мая 1554 г. (7062–5508), простым вычитанием (1554–65) вычислялся год его рождения — 1489 г., вошедший во все публикации XIX – начала XX вв. Только в конце минувшего века в печати без каких-либо обоснований год рождения святого был изменён на 1490 г.²⁰, что перекочевало в ряд других печатных материалов. В статье в Православной Энциклопедии²¹ Е. В. Крущельницкая справедливо внесла неопределённость в год рождения Святого, написав 1488/89, что вполне обосновано, так как точно назвать год рождения прп. Герасима можно только зная месяц его рождения. В связи с этим следует обратить внимание на дошедшие до нас записи в расходных книгах Болдина монастыря. В конце XVI в. прп. Герасима в монастыре поминали не только в день преставления (1 мая), но и в ноябре (сохранились четыре записи: за 1586, 1591, 1598 и 1599 гг., три из которых сделаны 1 ноября, а одна — 8 ноября), когда вспоминали и о его родителях. Так, 1 ноября 1599 г. записано: «*Куплено въ тюрьму да въ богаделню колачей преподобнаго отца нашего старца Герасима по родителехъ на три алтына...*»²². Родителей, как принято и в наше время, поминают обычно в день рождения человека.

ка. Таким образом, можно предположить, что прп. Герасим родился в начале ноября и был назван в честь Святителя Григория, архиепископа Александрийского, память которому совершается 5 ноября. Приняв во внимание изложенное, датой рождения прп. Герасима с уверенностью можно считать *первые числа ноября 1488 г.*

Для рассмотрения жизни прп. Герасима в Переславле-Залесском, кроме фактов в названных выше древних документах, связанных своим происхождением с Болдиным монастырём, важную информацию можно почерпнуть и в Житии учителя прп. Герасима — Даниила, преставившегося 7 апреля 1540 г. на 80-м году жизни в основанном им Троицком монастыре в Переславле-Залесском. Житие Даниила было написано его духовным чадом — протоиереем Андреем в 1553–1554 гг. В период написания Жития протоиерей Андрей был духовником Иоанна Грозного, а, приняв постриг, после кончины митрополита Макария в 1563 г. был поставлен на московскую первопрестольную кафедру. Так как Житие было написано очевидцем событий, происходивших в Переславле-Залесском, или знатчим о многом из уст ближайшего окружения Даниила, текст Жития насыщен большим количеством достоверных фактов. Не случайно В. О. Ключевский считал Житие Даниила Переяславского одним из лучших произведений Макарьевского периода²³. Оно сохранило бесценные для нас достоверные сведения о Данииле, его подвигах и близких ему лицах в период духовного становления Герасима — в первую четверть XVI в. Житие Даниила опубликовано в 1908 г. профессором С. И. Смирновым²⁴.

Истоки жизненного опыта будущего Болдинского чудотворца

Духовный отец Герасима Болдинского прп. Даниил Переяславский (илл. 4), в миру Димитрий, родился в Переславле-Залесском около 1460 г. Его родители Константин и Фёкла приехали в Переславль-Залесский вместе с боярином Протасьевым, который был вызван великим князем Иоанном III на службу из Мценска в Москву. К монашеской жизни Дмитрий начал приобщаться в Никитском монастыре Переславля-Залесского у своего родственника, игумена монастыря, Ионы, известного своей добродетельностью. Из рассказов насельников монастыря Дмитрий узнавал о тогдашних подвижниках благочестия и более всего поражался равноангельским житием и великими трудами преподобного Пафнутия, игумена Боровского монастыря (илл. 5), где и пожелал принять он постриг. Однако этому суждено было произойти только после преставления Пафнутия, скончавшегося в 1477 г. Преемником Пафнутия на игуменском посту в Боровском монастыре был Иосиф (1439–1515), основавший в 1479 г. новый монастырь под городом Волоколамском. Благодаря исключительным дарованиям, учёности и воли Иосифа социальная работа монастыря расширялась в широкое национальное служение. Это он — преподобный Иосиф Волоцкий (илл. 6) — отстоял на Соборе 1503 г. неприкосновенность монастырского землевладения. Кстати, родители его перебрались в Волоколамск из Литвы. Если северные пустынножители искали уединённого созерцания, то московские последователи Сергия Радонежского, к которым относился и Иосиф Волоцкий, стремились осуществлять идеал совершенного общежития²⁵, которое могло служить примером для гармоничного обустройства жизни и на территории монастыря, и за его стенами.

В Боровском монастыре Дмитрий принял постриг, получив имя Даниил, был отдан под начало к опытному старцу Левкию, под руководством которого пробыл десять лет. В монастыре все настолько полюбили Даниила, что желали видеть его игуменом Боровской обители. Однако в 1490 г., прожив в Боровском монастыре в общей сложности 12 лет, Даниил вернулся в Переславль-Залесский в Никитский монастырь. В 1495 г. переходит он в Горицкий монастырь Пречистой Богородицы (илл. 7), где был игуменом его родственник Антоний. Игумен Антоний убедил Даниила принять сан²⁶.

Взрослеющий Григорий (будущий Герасим Болдинский) своими глазами видел почитание Даниила в Переславле-Залесском и в тринадцать лет (1501/02) со слезами упросил Даниила принять его послушником в Горицкий монастырь. Таким образом, предыдущий подвижнический опыт Даниила и всё свершившееся при Григории в период его жизни уже вблизи Даниила становится достоянием его духовного багажа. Аналогично духовному и жизненному опыту Григорий обретает и связи с людьми, близкими Даниилу.

Помимо многоразличных своих монастырских обязанностей, Даниил добровольно возложил на себя и редкий, даже в те времена, подвиг — попечение об умерших в дороге, замёрзших и погибших от разбойников. Тайно ночью выходил Даниил из монастыря и на своих плечах сносил тела умерших в особую городскую скудельницу, которая находилась недалеко от обители и называлась Божий дом. Здесь, на божедомье, он отпевал безвестных гостей и поминал их в молитвах при служении Литургии. Так продолжалось не один год. Свидетелем и, естественно, помощником ему в этих подвигах был молодой послушник Григорий, живший с Даниилом в одной келье.

Пришёл однажды к Даниилу игумен близлежащего Никольского монастыря Никифор и сказал, что он много раз слышал звон на месте, где были скудельницы, видел огонь зажжённых свечей и обонял запах ладана. Даниил ответил гостю: «Что ты видел духовными очами, Бог поможет привести в исполнение на месте том. Не сомневайся в этом»²⁷.

В те годы у Великого князя Московского и всея Руси Василия Ивановича (илл. 8) состояли на службе два родных брата Иван и Василий, дети Андрея Фёдоровича Челяднина, который первым среди московской знати удостоился звания кононций. Оба они подверглись опале и вынуждены были со своей матерью, жёнами и детьми удалиться в своё поместье, в село Первятино близ Переславля-Залесского²⁸. Василий Андреевич Челяднин активно поддерживал начинания Иосифа Волоцкого и враждовал с Новгородским архиепископом Серапионом, добившись в 1509 г. лишения его прав управления Иосифо-Волоцким монастырём. Духовником опальных переславских бояр был упомянутый выше Даниил. Однажды, когда он служил в их домовой церкви, явился гонец из Москвы с вестью о снятии велиокняжеской опалы. В благодарность за совершившееся чудо Челяднины представили его лично великому князю Василию III и помогли Даниилу получить у московского митрополита разрешения на строительство монастыря на божедомье, выкупили землю, чем заложили основу для зарождения монастыря²⁹.

Так в 1508 г., на 48 году своей жизни, начал Даниил созидать монастырь на божедомье (илл. 9), а главным помощником в этом деле для него стал двадцатилетний послушник, живший с ним в одной келье, Григорий.

По настоятельным просьбам влиятельных лиц и братии Даниил принимает архимандритство в Горицком монастыре, но не более года возглавляет он Горицкий монастырь, так как управление двумя монастырями тяжело было для благочестивого и ревностного старца³⁰.

Великий князь Василий Иванович, узнав о новой иноческой обители, устроенной благочестивым старцем, посетил её в 1510 г. Видя благоговение Даниила, скромную простоту иноков, великий князь одарил братию милостынею и установил хлебную дачу на каждый год³¹. Видимо, в этот раз впервые перед глазами Василия III предстал и будущий Болдинский чудотворец, ещё не принявший постриг, послушник Григорий.

Второй раз великий князь был в обители в 1523 г. Увидев обустроенную церковь, и трапезную, и число братии умножающееся, он любовался благолепием церковным. Основной же созидатель обители, Даниил, обитал вне стен нового монастыря.

В третий свой приезд в монастырь, в 1525 г., великий князь был в нём на вечерней службе. Услышав, что на ектеньях поминают игумена Иова, а не Даниила, великий князь сказал Даниилу: «Перейди в свой монастырь и живи там. На ектеньях вели настоятелем поминать себя, и устрой братское общежитие. О потребах же не скорби, я сам буду заботиться об обители»³².

Даниил повиновался великому князю и после тридцатилетнего пребывания в Горицком монастыре, на шестьдесят шестом году своей жизни, перешёл на жительство в устроенный им монастырь.

Как складывалась жизнь будущего Болдинского Чудотворца в этот период можно судить по короткой записи в Житии Даниила: «Имяше же тогда поспешника себе ученика своего, именемъ Герасима, иже бе родомъ того же града Переаславля, иже бывше кожевицъ. Жительство исперва име у Даниила в келии, в Горицком монастыри. Еще тогда Герасим не инокъ бывше. И егда преселися Даниилъ в свой монастырь, Герасим же обхождася многу монастыря и нигде же получи облечиця во иноческий образ, но свидетельствоваху ему полезнее пострищися у Даниила. И прииде к Даниилу, и от него сподобися чренечеству, и отчасти божественному писанию навыче, и благопотребен бывше в послушании, и в службах, и в посланиях, яко и самому царю и великому князю знаемъ бе, иже последи состави свой монастырь между градов Дорогобужа и Вязмы, иж на Болдине, и ины монастыри постави въ славу Божию»³³.

Запись очень важна. Она свидетельствует о том, что Григорий принял постриг не в 13 лет, как повествуется в первой редакции Жития прп. Герасима³⁴ и в некоторых современных публикациях. Прожив в Горицком монастыре в одной келье с Даниилом 20 лет³⁵, т.е. в 1521/22 г. мужающий Григорий не сразу перешёл в новый, но уже обустроенный Даниилов монастырь, а попытался искать нового поприща для жизни подвижнической. Вернувшись к Даниилу, после того как тот перешёл

в Троицкий Данилов монастырь, т.е. после конца 1525 г., принял постриг в возрасте около сорока лет. Эта же запись свидетельствует о том, что Герасим преуспел в службах, т.е., возможно, был рукоположен в сан иеромонаха и был хорошо знаком Василию III, так как бывал у него с посланиями.

Земля раздора и её жертвы

В годы взросления Григория (будущего прп. Герасима Болдинского) завершался очень важный почти полувековой период в истории России, связанный с кровавой и бескровной борьбой Москвы с Литвой, — период трёх войн, первый этап борьбы за расширение территории Московского государства за счёт Литовско-Русского. Первые две войны (1492–1494 гг. и 1500–1503 гг.) при Иване III завершились полным поражением Литвы, третья (1507–1521 гг.), уже при Василии Иоанновиче, велась с переменным успехом³⁶.

Литовско-Русское государство было создано усилиями Гедимина, Ольгерда и Витовта. Формирование основ феодализма и укрепление военной монархии создали прочную и хорошо политически организованную структуру Литовского государства. В начале XIV в. это преимущество Литвы остро почувствовала Русь, раздробленная и раздавленная татарами. Литовская экспансия в русских землях приобрела огромный размах, наряду с обороной на западе она стала основой государственной политики. Несчастье Руси стало источником политического процветания Литвы³⁷.

Однако к концу XV в. мощь Литвы ослабевает. Одна из основных причин неустойчивого состояния государства заключалась в соотношении коренного литовского населения к русскому (менее чем 1 к 6). Положение православных русских резко изменяется при преемнике Витовта Сигизмунде Кейстуновиче, яром католике и послушном сыне латинского духовенства. Противники Сигизмунда Кейстуновича сражались за идею православной Литвы и господство русских начал жизни, и он поплатился жизнью за свою ревность к латинству, стал жертвой заговора русских князей Чарторыйских³⁸.

Поставленный на великокняжеский престол Казимир, из рода Ягелонов, запрещает в 1480-х гг. строительство новых и починку старых православных церквей, что вызывает заговор северских князей передаться Москве. Зачинщики заговора Михаил Олелькович и Иван Юрьевич Гольшанский поплатились за это жизнью, были казнены 30 августа 1481 г. Князья Фёдор Иванович Бельский и Иван Глинский бежали в Москву. За ними со своими уделами передались Москве Иван Васильевич Белевский, Иван Михайлович Воротынский и др. Они же прояснили в голове Иоанна III идею единой Руси. В июле 1489 г. Казимиру пришлось впервые услышать ясную речь Московского князя: «... наши города и волости и земли и воды король за собой держит»³⁹.

После смерти 7 июня 1492 г. великого литовского князя Казимира в Вильне состоялся сейм по преимуществу из русских князей — Глинских, Слуцких, Гольшанских, Мстиславских, Гайдайцев, на котором Великим Литовским Князем был избран четвёртый сын Казимира, Александр, слабохарактерный, легко поддающийся влиянию. Это вызвало недовольство смольянин, которым и воспользовался

Иоанн III, начав первую войну. По условиям мира, заключённого 5 февраля 1494 г., к Москве отошли Мценск, Брянск, Серпейск и др. города⁴⁰.

Была предпринята Иваном III попытка усиления влияния на Великого Литовского Князя (далее — В.Л.К.) и мирным путём. Начались переговоры о женитьбе его дочери Елены на В.Л.К. Александр с сохранением для неё возможности православного вероисповедания. Елена выехала из Москвы в Вильну 12 января 1495 г. Бракосочетание совершилось в кафедральном соборе Станислава, одновременно с виленским епископом Войтеком Табором брачные молитвы читал поп Фома, московский духовник Елены, так как присутствующий в костёле архимандрит Макарий отказался сделать это. Известно, что Войтек Табор горячо ратовал за унию с Польшей. С прибытием в Вильну Елены возникли надежды православных на улучшение их положения. Усиление русской партии в политическом отношении выдвинуло на историческую сцену двух замечательных деятелей рассматриваемой эпохи — Константина Ивановича Острожского и Михаила Львовича Глинского.

Но Иоанн III, любивший действовать наверняка, продолжал склонять пограничных князей к переходу к Москве. Заручившись обещанием сохранить за ним удел, 12 апреля 1500 г. перешёл к Москве Иван Семёнович Бельский. Вслед за Бельским отъехали к Москве бывшие враги Иоанна III и «собинные» друзья Александра — Василий Иванович Шемячич и Семён Иванович Можайский, отъехал также князь Хотетовский. Сбежавшие опасались потери волостей своих уделов, ибо ясно сознавали растущее могущество Москвы, слабость Литвы и суровость Иоанна. Для закрепления успеха перехода земель к Москве в конце апреля 1500 г. Великому княжеству Литовскому была объявлена новая война⁴¹.

Постоянные набеги татар с юга очень ослабили Литву, поэтому Александр, заранее предвидя неудачу, не прерывал переговоров с Иоанном. Литовские послы оставались в Москве даже после объявления войны и вели переговоры о мире.

Московские войска ещё до получения «складной грамоты» вторглись в литовские земли. Главный полк под предводительством Магмет-Аминя и Якова Захарьина направился в Северскую землю. Последовательно были заняты Мценск, Серпейск, Брянск, Севск, Путивль, последний с наместником города, ненавистным Москве князем Богданом Фёдоровичем Глинским. Затем были захвачены Чернигов, Стародуб и Новгород-Северский. Второй отряд, под предводительством Юрия Захарьина, направился к Смоленску, заняв по пути Дорогобуж.

Кульминационным пунктом стала «битва на Миткове поле на речке Ведроши». Это одна из крупнейших битв в русской истории феодального периода. Московское войско возглавлял Даниил Васильевич Щеня (илл. 10), воеводами были представители знатнейших родов Московии, Литовско-Русское войско возглавлял князь Константин Иванович Острожский.

В этой битве полегли десятки тысяч воинов. В плен были взяты пять воевод Литовско-Русского государства, четверо из которых русские православные люди. В числе пленённых воевод был и Константин Иванович Острожский, который около десяти лет свой полководческий дар проявлял в защите интересов Московии на юго-восточных рубежах.

На центральном участке Россия приобрела Дорогобуж. Договор 2 апреля 1503 г., явившийся эхом победы на Ведроши, был крупным успехом русской дипломатии. Сразу же на литовско-русской границе начались конфликты между местными жителями и между служилыми князьями-родичами.

Продолжение активной борьбы было не за горами, но она относится ко времени, когда на престол взошёл сын Иоанна III — Василий Иоаннович. Коронация состоялась в декабре 1505 г. В 1506 г. состоялось венчание Василия III на Соломонии Сабуровой.

Летом 1508 г. в Московию отъехали три брата Глинских — Василий, Михаил и Иван Львовичи — родные дяди Константина Ивановича Острожского.

Война же за Смоленск возобновилась в 1512 г. и велась с переменным успехом. В первом походе московскому войску не удалось взять Смоленск. Неудачно завершился и второй поход в 1513 г. Только летом 1514 г. Смоленск был взят московским войском. Своё полководческое искусство во взятии Смоленска проявил Михаил Львович Глинский. Однако после он не получил в своё владение Смоленщину, как обещал ему Василий III.

Дальнейшее продвижение московского войска на запад было остановлено под Оршой, где в сентябре 1514 г. московское войско потерпело поражение. По летописным свидетельствам на поле брани погибли с обеих сторон десятки тысяч воинов. Войско Литовско-Русского государства под Оршой возглавлял Константин Иванович Острожский, ранее переметнувшийся из Московии. Пытался перейти на сторону противника и Михаил Львович Глинский, но был схвачен и доставлен к Василию III в Дорогобуж, а затем коротал свои дни в заключении.

Много известных деятелей Московского государства погибло или было взято в плен в этом сражении. Был взят в плен и Иван Андреевич Челядинин, который способствовал Даниилу основать Троицкий монастырь в Переяславле-Залесском. О делах И. А. Челяднина после плена сведений нет, последний раз его имя упоминается в документах 1522 г. Его брат, Василий Андреевич, также участвовал в трёх смоленских походах, сведений о его ранах или гибели в сражениях нет, но известно, что в 1516 г. его мать и жена делали вклад в Троице-Сергиев монастырь по его памяти.

Мирный договор между Московским и Литовско-Русским государством был подписан только в 1522 г., по нему территория Смоленщины с главным городом закреплялась за Московским государством. В честь этого события Василий III заложил в Москве Новодевичий монастырь на месте, где встречали икону Смоленской Божьей матери — Одигитрию. По заведённому обычаю перешедшие к Москве земли делились между дворянами, внёсшими вклад в победу.

(См. продолжение в следующем номере журнала)

¹ История Российской Иерархии, собранная Новгородской Семинарии Ректором и Богословием учителем, Антониева монастыря Архимандритом Амвросием. М., 1811. Ч. III. С. 413.

² Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988. С. 304–305.

- ³ Крущельницкая Е. В. Автобиография и житие в древнерусской литературе. СПб.: Наука, 1996.
- ⁴ Там же. С. 211.
- ⁵ Там же. С. 212.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Макаревский А. Г., протоиерей. Вяземский Свято-Предтечев монастырь. Памятная книжка Смоленской губернии 1859. С. 57–75.
- ⁸ Дмитриева Р. П. Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 432–434.
- ⁹ Федотов Г. П. Святые древней Руси. М.: Московский рабочий, 1990. С. 189.
- ¹⁰ Крущельницкая Е. В. Автобиография и житие в древнерусской литературе. С. 246.
- ¹¹ Там же. С. 213.
- ¹² Дмитриева Р. П. Словарь книжников и книжности Древней Руси. С. 432–434.
- ¹³ Пономарев А. М. Свято-Троицкий Болдин монастырь. Хронология жизни обители, дела и судьбы настоятелей монастыря в контексте истории страны. Смоленск, 2008. С. 21.
- ¹⁴ Там же. С. 20–21.
- ¹⁵ Там же. С. 25–26.
- ¹⁶ Пономарев А. М. Троицкий собор Свято-Троицкого Болдина монастыря // II Кадашевские чтения. М., 2008. С. 146–172.
- ¹⁷ Крущельницкая Е. В. Автобиография и житие в древнерусской литературе. С. 266–284.
- ¹⁸ Пономарев А. М. Троицкий собор Свято-Троицкого Болдина монастыря. Указ. соч.
- ¹⁹ Крущельницкая Е. В. Автобиография и житие в древнерусской литературе. С. 248.
- ²⁰ Иеромонах Даниил (Сычев А. М.). Вязьма. Очерки истории. М., 1996. С. 16.
- ²¹ Крущельницкая Е. В. Герасим прп. // Православная Энциклопедия. 2006. Т. 11. С. 144.
- ²² Пономарев А. М. Свято-Троицкий Болдин монастырь. С. 48.
- ²³ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. С. 282.
- ²⁴ Смирнов С. И. Житие Преподобного Даниила Переяславского Чудотворца. М., 1908.
- ²⁵ Федотов Г. П. Святые древней Руси. С. 175.
- ²⁶ Смирнов С. И. Житие Преподобного Даниила Переяславского Чудотворца.
- ²⁷ Свиридин А. И. О начале и устроении Переяславского Данилова монастыря. М., 1863. С. 15.
- ²⁸ Там же. С. 23.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Смирнов С. И. Житие Преподобного Даниила Переяславского Чудотворца. С. 42.
- ³² Свиридин А. И. О начале и устроении Переяславского Данилова монастыря. С. 64.
- ³³ Смирнов С. И. Житие Преподобного Даниила Переяславского Чудотворца. С. 42–43.
- ³⁴ Крущельницкая Е. В. Автобиография и житие в древнерусской литературе. С. 218.
- ³⁵ Там же. С. 219.
- ³⁶ Ярушевич А. Ревнитель православия князь Константин Иванович Острожский (1461–1530). Православная литовская Русь в его время. Смоленск, 1897. С. 154.
- ³⁷ Гудавичюс Э. История Литвы. С древнейших времен до 1569 года. М., 2005. Т. I. С. 121.
- ³⁸ Ярушевич А. Ревнитель православия князь Константин Иванович Острожский... С. 29.
- ³⁹ Там же. С. 44.
- ⁴⁰ Там же. С. 59.
- ⁴¹ Там же. С. 78.